

Валерий Сухов

РУССКИЙ БАЙРОНИЗМ

к 130-летию
со дня
рождения
Сергея
Есенина

207

*Не совсем юбилейная
статья Валерия Сухова
представляет собой
необычный взгляд
на творчество
Сергея Есенина
и тем самым, считает
редакция, интересна.
Предлагаем её на суд
нашего просвещённого
читателя*

ЗНАКОМЫЙ Есенина В. С. Чернышевский вспоминал: «В наружности Сергея – под разными последовательными влияниями – скоро проявился внешне профессиональный отпечаток... Некоторые советовали ему, отпустив подлиннее свои льняные кудри, носить поэтическую бархатную куртку под Байрона. Но народный поддёвочный стиль восторжествовал».

И тем не менее своеобразный русский байронизм можно обнаружить в творчестве поэта. Так, например, критик В. Дынник пронизательно отметила, что в есенинской поэме «Возвращение на родину» «...на фоне мирного, неприглядного быта рязанской деревни повторяется ситуация из «Чайльд-Гарольда»... деревня встречает его, как «угрюмого пилигрима». В личной судьбе своей, в отчуждённом одиночестве среди родного когда-то села, поэт умеет показать трагический смысл смены поколений». Исследователь зарубежной литературы А. Д. Михайлов, сравнив многочисленные переводы поэмы «Паломничество Чайльд Гарольда» на русский язык, пришёл к выводу, что Сергей Есенин хорошо знал эту поэму Байрона.

На самом деле в поэме «Возвращение на родину» мы можем выделить сразу несколько байронических моти-

вов: мотив возвращения пилигрима, мотив отчуждения-неузнавания, мотив «мировой скорби», которая, по словам В. М. Жирмунского, «нашла в его (Байрона) личности и мировоззрении своего классического выразителя». Эта «мировая скорбь» проявляется в том, что лирический герой Есенина начинает посещение родных мест с кладбища, что глубоко символично. Поэт, изображая сельский погост, создаёт образы, напоминающие о недавней гражданской войне: «Подгнившие кресты, // Как будто в рукопашной мертвецы, // Застыли с распростёртыми руками».

Как известно, кладбищенские мотивы широко представлены в творчестве поэтов-романтиков. Например, в стихотворении «Строки, написанные под вязом на кладбище в Гарроу» (1807) Байрон выражает желание быть похороненным на своей родине: «Окутаться землёй на родине мне милой, // Смешаться с нею там, где грусть моя бродила». Есенин, изображая сельское кладбище, подчёркивает: дорогая ему крестьянская Русь обречена на умирание. Самое пронзительное воплощение мотива мировой скорби в есенинской интерпретации – скорбящий взгляд деда, которого не узнал внук: «Но что, старик с тобой? // Скажи мне, // Отчего ты так глядишь

Валерий Сухов родился (1959) в селе Архангельское Городищенского района Пензенской области. Окончил Пензенский государственный педагогический институт и аспирантуру при Московском педагогическом университете. Кандидат филологических наук. Работал учителем в сельской школе и преподавателем в Пензенском государственном университете. Член Союза писателей России, редактор отдела поэзии журнала «Сура», автор шести поэтических сборников. Лауреат Международной премии имени С. А. Есенина «О Русь, взмахни крылами...», Всероссийского поэтического конкурса им. Сергея Есенина и др. Живёт и работает в Пензе.

скорбяще? // ...«Добро, мой внук, // Добро, что не узнал ты деда!...» Мотив неузнавания, связанный с романтической традицией, становится у Есенина одним из самых важных.

Лейтмотивом «Возвращения на родину» стала строка «Уже никто меня не узнает». Кульминационным становится момент, обретающий особую символику в связи с обращением к известному байроническому мотиву. В поэме «Паломничество Чайльд Гарольда» Байрон заостряет внимание на эпизоде прощания. Гарольд поёт песню, в которой отражено его разочарование в преданной ему собаке: «Мой пёс поплачет день, другой, // Разбудит воем тьму // И станет первому слугой, // Кто бросит кость ему». У Байрона романтический герой одинок и жалеет лишь о том, что ему «нечего жалеть».

У Есенина в поэме «Возвращение на родину» отражена принципиально иная коллизия. Есениновед Н. И. Шубникова-Гусева справедливо отмечает: «В основе созданной Есениным художественной системы лежит идея полемического диалога как основы бытия в русской культуре». Есенин по-своему интерпретирует «чайльд-гарольдовский» мотив. Лирического героя Есенина не узнали все – за исключением собачонки, которая встречает его с радостным лаем. Подобная интерпретация ключевых есенинских строк связана с развитием байроновского мотива противопоставления эгоистических человеческих взаимоотношений – бескорыстной верности животных людям. В «Надписи на могиле ньюфаундлендской собаки», написанной Байроном в Ньюстедском аббатстве 30 октября 1808 года, создан образ собаки как вернейшего друга человека: «А этот бедный пёс, вернейший друг. // Усерднейший из всех усердных слуг, // Он, как умел, хозяину служил, // Он только для него дышал и жил».

Лирический герой Есенина обострённо воспринимает разрыв родственных и человеческих связей между людьми на фоне сохранения прежней привязанно-

сти «собачонки», которая единственная узнала своего хозяина и приветствовала его по-собачьи преданно. Отношение Есенина к «собачонке» близко байроновскому. Вспомним памятник, который Байрон поставил своему любимому псу по кличке Ботсвен. Эпитафия на нём гласит: «Здесь погребены останки того, // Кто обладал Красотой без Тщеславия, // Силой без наглости, // Храбростью без Жестокости. // И всеми Добродетелями Человека без его Пороков...» Байрон противопоставляет собачьей бескорыстной привязанности лицемерие человека: «Любовь твоя – разврат, а дружба – ложь».

Если воспринимать есенинские строки в контексте лирики Байрона, связанной с его родным Ньюстедским аббатством, то логично сделать такой вывод. Образ собаки из есенинской «Исповеди хулигана» (1920), к которой лирический герой обращается со словами: «А ты, любимый, // верный пегий пёс», находит своё логичное развитие в поэме «Возвращение на родину». Так Есенин в безысходной по своей сути ситуации гибели старой, патриархальной деревни, которую трагически осознаёт лирический герой, оставляет луч надежды, связанный с образами родных ему людей: деда, матери, сестры и, как оказалось, самого преданного существа – «собачонки». Поэтому строки «По-байроновски наша собачонка // Меня встречала с лаем у ворот» дважды повторяются в поэме и даже вынесены в финал. Необходимо особо подчеркнуть, что собака встречает лирического героя именно «по-байроновски», а не так, как представил герой поэмы «Паломничество Чайльд Гарольда». Тем самым автор хотел подчеркнуть особую смысловую нагрузку, которая ложилась на концовку произведения.

В «маленьких поэмах» Сергея Есенина «Возвращение на родину», «Русь советская», «Русь уходящая», «Метель», «Мой путь» своеобразный русский байронизм проявляется особенно ярко. Здесь мы находим свою трансфор-

мацию мотива странничества, красной нитью проходившего через всё творчество Байрона и Есенина. Так, в «Руси советской» появляется сравнение с пилигримом: «Ведь я почти для всех здесь пилигрим угрюмый // Бог весть с какой далёкой стороны». Это признание лирического героя тесным образом связано с романтической традицией, отражённой в поэме Байрона «Паломничество Чайльд Гарольда» и заявленной в заключительных строфах песни четвёртой: «Но к цели мой подходит пилигрим, // И время кончить строфы путевые» «И здесь должны расстаться мы с тобой. // Прости, читатель, спутник пилигрима».

Почему же в творчестве Есенина последних лет так явно проявляется русский байронизм? Чтобы ответить на этот вопрос, необходимо прочитать есенинское письмо Александру Кусикову, написанное 7 февраля 1923 года. В нём поэт так характеризует своё душевное состояние: «Тоска смертная, невыносимая, чую себя здесь чужим и ненужным, а как вспомню про Россию, вспомню, что там ждёт меня, так и возвращаться не хочется... тошно мне, законному сыну российскому, в своём государстве пасынком быть...» Как видим, Есенина сближало с Байроном чувство горечи и разочарования, вызванное осознанием обманутых надежд.

Свою роль сыграло и то, что 19 апреля 1924 года отмечалась скорбная дата – столетие со дня смерти Джорджа Гордона Байрона. В конце мая 1924 года Есенин побывал в родном селе. Впечатления от этой поездки в Константиново отразились в поэмах «Возвращение на родину», «Русь советская» и «Русь уходящая», продемонстрировавших характерные черты русского байронизма. Вспомним основные положения, характерные для романтизма как литературного направления: расхождение между мечтой и действительностью, которой не удовлетворен автор; разрыв с окружающим обществом и одиночество главного героя; изображение непримиримого конфликта между личностью и

социальной средой. Всё это является следствием всеобъемлющего недовольства окружающей действительностью, что сближало Есенина с Байроном.

Поэтому имеет смысл говорить о русском байронизме Есенина как особой форме развития литературной традиции, связанной с ярко выраженной тягой поэта к романтическому мировосприятию, которое органично соединялось с реалистическими принципами изображения действительности. Подобными установками в творческом плане и объясняется особый синтез романтизма и реализма, отличающий есенинскую поэзию. В очерке «Железный Миргород» (1923), имея в виду большевиков, Есенин писал: «Пусть я не близок им как романтик в моих поэмах, я близок им умом и надеюсь, что буду, быть может, «близок» и в своём творчестве...»

Мучительно пытаюсь примириться с тем, что произошло с Русью в годы советской власти, Есенин остро осознаёт своё одиночество и свою ненужность: «Моя поэзия здесь больше не нужна, // Да и, пожалуй, сам я тоже здесь не нужен». Поэтому в «Руси советской» наряду с образом «пилигрима угрюмого», связанного с байроническим мотивом скитальчества, присутствует и образ смирившегося «бунтаря». Необходимо отметить, что он трансформируется Есениным по-новому: «А я пойду один к неведомым пределам, // Душой бунтующей навеки присмирив».

От романтизма героев Байрона с их острым неприятием несправедливости, творящейся в мире, идёт и «планетарный» размах заключительного есенинского вывода: «Но и тогда, // Когда на всей планете // Пройдёт вражда племён, // Исчезнет ложь и грусть...» Есенин философски воспринимает присущие человечеству пороки: «вражду племён», «ложь», противопоставляя им вечные ценности, которые для него ассоциируются прежде всего с родиной. Поэма, названная «Русь советская», заканчивается автором подчёркнуто «оппозицион-

но» по отношению к советской власти. «Я буду воспевать // Всем существом в поэте // Шестую часть земли // С названием кратким "Русь"»

В маленькой поэме «Мой путь» (1925) Есенин подводит итоги исканий своего лирического героя, прослеживая основные этапы становления его творческой личности. Здесь и юношеские мечты о славе: «Текли мечтанья // В тайной тишине, // Что буду я // Известным и богатым, // И будет памятник // Стоять в Рязани мне». Здесь и горькое разочарование, характерное для романтиков: «Тогда я понял, // Что такое Русь. // Я понял, что такое слава, // И потому мне // В душу грусть // Вошла, как горькая отравка». Кольцевой характер всему циклу «маленьких поэм» придаёт обращение к романтическим мотивам странничества и разочарования: «И, заболел // Писательскою скукой, // Пошёл скитаться я // среди разных стран, // Не веря встречам, // Не томясь разлукой, // Считая мир весь за обман». Чувства есенинского лирического героя вполне сопоставимы с тем, что испытывал у Байрона Чайльд Гарольд: «Заговорило пресыщенье в нём, // Болезнь ума и сердца роковая, // И показалось мерзким всё кругом: // Тюрьмою – родина, могилой – отчий дом». Конфликт романтического героя и светского общества у Байрона отражается так: «Но часто в блеске, в шуме модных зал // Лицо Гарольда муку выражало. // Отвергнутую страсть он вспоминал // Иль чувствовал вражды смертельной жало».

Есенин протестует против «салонного сброда» с деревенским озорством, используя характерный эпатаж поэта-хулигана: «И вот в стихах моих // Забила // В салонный вылощенный // Сброд // Мочой рязанская кобыла». Характерные черты русского байронизма в есенинской поэме «Мой путь» находят своё дальнейшее развитие. Есенин по-прежнему чувствует себя чужим на родине. Крестьяне, везущие в телегах

рожь, не узнают его. Для них он остаётся пилигримом, странником: «Им не узнать меня, // Я им прохожий». Его отчуждённость подчёркивается характерной деталью. Он идёт, «надвинув ниже кепи, // Чтобы не выдать холода очей».

Как видим, финал поэмы «Мой путь» логично соотносится с заключительными строками поэмы «Возвращение на родину». Есенин видит, что жизнь в родном селе сильно изменилась. Многие перемены ему не по душе, но другой родины у него нет. Поэтому после мучительных размышлений он делает для себя осознанный вывод, окрашенный характерной романтической иронией: «И пусть иная жизнь села // Меня наполнит // Новой силой, // Как раньше // К славе привела // Родная русская кобыла». Есенин вспоминает совет деда писать «про рожь, // Но больше про кобыл», который он когда-то воспринимал с горькой усмешкой. Если в поэме «Возвращение на родину» важное смысловое значение обретал образ «собачонки», которая «по-байроновски встречает» лирического героя, то в поэме «Мой путь» особую роль Есенин отводит образу «кобылы». Надежда на обретение своего места в родном селе у поэта связана не с людьми, а с животными – «братьями нашими меньшими». В связи с этим вспоминаются есенинские строки из стихотворения «Я обманывать себя не стану...» (1922), ставшие декларацией одиночества поэта-романтика: «Среди людей я дружбы не имею. // Я иному покорился царству...» Такой подтекст финальных строк первой и заключительной «глав» есенинского «лирического романа» (В. Дынник) из «маленьких поэм», созданных в 1924–1925 годах заставляет о многом задуматься. Таким образом, характерное для Есенина стремление к полемическому диалогу с мировой культурой привело его к оригинальной модификации романтизма – русскому байронизму.

Пенза